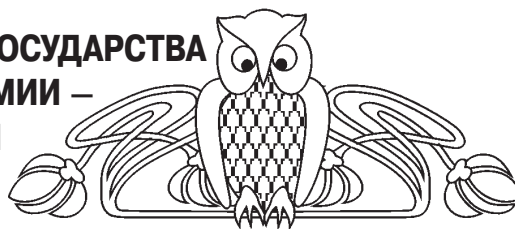




- ¹⁰ Вечерняя заря (газета). Самара. 1918. 15 авг.
¹¹ Наша жизнь (газета). Самара. 1918. 28 авг.
¹² См.: Кабытова Н. Н., Кабытов П. С. Указ. соч. С. 31.
¹³ Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918.
¹⁴ См.: Переверзев А. Я., Кулешов О. С. Указ. соч. С. 182.
¹⁵ См.: Калягин А. В., Парамонов В. Н. Указ. соч. С. 17.
¹⁶ См.: Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Куйбышев, 1972. С. 174.
¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1с. Д. 5. Л. 33.
¹⁸ См.: ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1с. Д. 4. Л. 94.
¹⁹ См.: Матвеев М. Н. Драма Волжского земства // Новый мир. 1997. № 7. С. 173.
²⁰ Самарская губерния в годы гражданской войны. Куйбышев, 1958. С. 61–63.
²¹ Медведев В. Г. Белое движение в Среднем Поволжье в 1918–1919 годах. Ульяновск, 1995. С. 143.
²² Четыре месяца Учредилощины. Самара, 1919. С. 62.
²³ См.: Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974. С. 60.
²⁴ Там же. С. 48.
²⁵ Самарская губерния в годы гражданской войны. С. 61–63.
²⁶ Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). С. 177.
²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

УДК 34(091) (470) "1939/1940"

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И СУДЬБЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ КРАСНОЙ АРМИИ – УЧАСТНИКОВ СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ



А. Ф. Бичехвост

Саратовская государственная юридическая академия,
E-mail: istoriya2@yandex.ru

В статье доказывается, что неудачи в советско-финской войне 1939–1940 гг. государственное и политическое руководство СССР пыталось списать на советских военнопленных, оказавшихся в финском плену. Отношение государства и его высокопоставленных лиц к военнослужащим, попавшим в финский плен, характеризовалось антигуманностью, чудовищным пренебрежением к человеческой жизни, отсутствием желания объективно разобраться в каждом факте пленения советского военнослужащего, его поведении в плену. Судьба пленных решалась не по Закону, а на основании личных указаний и распоряжений Сталина и Берия. Незаконным осуждением значительной части советских военнослужащих, оказавшихся в финском плену, был создан прецедент для дальнейшей расправы с теми, кто в годы Великой Отечественной войны оказался в плену, но уже немецком.

Ключевые слова: советско-финская война 1939–1940 гг., жертвы тоталитарной системы, военнопленные Красной армии, механизм проверки военнопленных, послевоенная судьба советских пленных, И. Сталин, Л. Берия.

Repressive Policy of the Soviet State and Destiny of Prisoners of War of Red Army – Participants of the Soviet-Finnish War of 1939–1940

A. F. Bichekhvost

In the article it is proved that in the Soviet-Finnish war of 1939–1940 the state and political management of the USSR tried to write off failures on the Soviet prisoners of war who have appeared in Finnish to captivity. The relation of the state and its high-ranking officials to the military personnel, got to the Finnish captivity, was characterized by antihumanity, monstrous neglect to human life, absence of desire objectively to understand each fact of capture of the Soviet

serviceman, his behavior in captivity. The destiny of the captured was solved not on the basis of the Law, and on the basis of personal instructions and Stalin and Beria's orders. Illegal condemnation of a considerable part of the Soviet military personnel who has appeared in Finnish to captivity, created precedent for further punishment of those who in days of the Great Patriotic War appeared in captivity, but already in German.

Key words: Soviet-Finnish war of 1939–1940, victims of totalitarian system, prisoners of war of Red Army, mechanism of check of prisoners of war, post-war destiny soviet captured, I. Stalin, L. Beria.

В отечественной истории новейшего времени незаметно прошла одна из памятных дат – 70-летие завершения советско-финской войны 1939–1940 гг. – «зимней», «северной» или «незнаменитой» войны. На долю советских военнослужащих, вовлеченных в боевые действия и оказавшихся в плену у финнов, выпало суровое испытание «справедливостью» сталинских установок, определявших отношение к военнопленным как преступникам и изменникам Родины. О трагической судьбе бывших узников финского плена, многие из которых стали заключёнными ГУЛага, написано немного. Рассекречивание в последние годы архивных документов, хранившихся в режиме особой секретности, и их публикация дают возможность полнее раскрыть историю противозаконных и преступных действий Берия и его подручных в отношении военнослужащих Красной армии, прошедших через финский плен, показать трагическую судьбу многих из них.

Как справедливо отмечает Д. Д. Фролов, несмотря на то что после окончания «зимней войны» прошло уже немало лет, мы до сих пор не знаем точного количества пленных¹. Из приведенных



в мемуарах Маннергейма данных о числе военнопленных, взятых при окружении советских войск севернее Ладожского озера, явствует, что в финском плену находилось по меньшей мере более 5 000 красноармейцев². В исследовании «Россия и СССР в войнах XX в. Потери Вооруженных Сил» утверждается: после подписания мирного договора из плена были возвращены 5 468 человек (из них 301 командир, 787 младших командиров, 4 380 бойцов). Добровольно остались в Финляндии 99 человек (из них 8 командиров, 1 младший командир и 90 бойцов)³. Таким образом, в финском плену оказалось 5 567 советских военнослужащих.

Наряду с вышеуказанными цифрами в исторической литературе встречается утверждение о якобы переданных советской стороне 5 572 военнопленных. По другим данным, в Финляндии добровольно осталось 200 красноармейцев, а из финского плена возвратилось 6 017 человек⁴. По утверждению финского историка Р. Хански, за период «зимней войны» было взято в плен 5 615 человек. Тимо Малми, историк, занимающийся проблемой военнопленных в университете г. Тампере, предоставил другие цифры: всего в финском плену находилось 5 650 человек, умерло в лагерях и госпиталях 111⁵. На основании документов, обнаруженных в российских и финских архивах, Д. Д. Фролов выдвинул предположение, что количество советских военнослужащих, пленённых Финляндией, колебалось от 5 546 до 6 116 человек⁶. На сегодняшний день данная точка зрения выглядит предпочтительней.

Согласно дополнительному протоколу к Московскому мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. противоборствовавшие стороны брали на себя обязательства в кратчайший срок возвратить военнопленных, захваченных в вооруженном столкновении. При этом в тексте протокола в отношении процедуры обмена военнопленными содержалась оговорка: «На основании особого соглашения»⁷.

14 апреля 1940 г. в Выборге состоялось первое заседание советско-финской комиссии по обмену военнопленными. До 28 апреля 1940 г. прошло ещё пять заседаний комиссии. Советскую делегацию представляли комбриг Евстигнеев, капитан Сопруненко и представитель НКВД Тункин, финскую – советник миссии Койстинен, подполковник Тийайнен, капитан Вийтанен⁸.

Советских командиров и рядовых красноармейцев, побывавших в финском плену, в отличие от финских военнопленных, ожидала трагическая участь. Их судьба определялась не на основании Закона, а распоряжениями и личными указаниями представителей высшей государственной власти, в первую очередь И. Сталина и Л. Берия.

19 апреля 1940 г. Берия, находясь в ранге народного комиссара внутренних дел Союза ССР, информировал Сталина о начавшемся процессе обмена военнопленными между СССР

и Финляндией. Берия докладывал И. Сталину, что на основании постановления СНК СССР от 10 апреля 1940 г. для обмена военнопленными была образована правительственная комиссия в составе: председатель – начальник разведотдела Ленинградского военного округа комбриг Евстигнеев, члены комиссии – помощник заведующего правовым отделом НКВД Тункин и начальник Управления по делам военнопленных НКВД Сопруненко. По данным Берии, численность красноармейцев и командиров, возвращавшихся из финского плена, составляла 5 395 человек. Финской стороне передавалось более 800 человек. Обмен пленными начался 16 апреля и происходил на станции Вайниккала близ Выборга⁹.

Народный комиссар внутренних дел СССР официально информировал главу Советского государства о порядке приема, транспортировки и содержания военнопленных, за которые отвечал Генеральный штаб РККА. В документе пока ещё нет видимого намёка на репрессивную политику, которая будет проводиться в отношении советских военнослужащих.

Прибывавших из Финляндии разделили на команды, команды – на группы, возглавляемые начальником и комиссаром команды. В их подчинении находились представители политического, административно-хозяйственного и медицинского состава из расчёта: на 200 военнопленных – командир, политрук и 10 младших командиров. Команду сопровождали 2 врача и 4 представителя среднего медицинского состава. Военнопленные не конвоировались, но в пути каждый эшелон сопровождал оперативный работник¹⁰.

Один из свидетелей трагедии, разыгравшейся в жизни рядовых красноармейцев и командиров, вызволенных из финского плена, вспоминал: «В марте 1940 года, когда было подписано перемирие, финны передали наших военнопленных – изможденных, обмороженных, инвалидов ... Их везли в санитарных поездах, к которым никого не подпускали. Домой они не вернулись»¹¹.

Воспоминания вернувшихся опровергают утверждения о перевозке красноармейцев «в товарных вагонах с закрытыми окнами под усиленной охраной частей НКВД». Первые партии военнопленных везли в обычных пассажирских вагонах плацкартного типа. В числе сопровождавших были начальник и комиссар эшелона, медицинский персонал и по четыре бойца на каждый состав, причём не обязательно из частей внутренних войск¹².

НКВД активно включился в работу среди военнопленных. Для спецорганов важно было быстрее вычислить «предателей» и «изменников». В результате индивидуальных опросов появились политдонесения младшего политрука А. В. Храмова: «Павел Ковалец, младший лейтенант, говорит, что в/п Шаронов из 75 дивизии 34 сп, 1 бат., 3 р. являлся корреспондентом газеты «“Друг пленных”». В своих заметках он обвинял руко-



водство Страны Советов»; «Евдокимов (едет в вагоне № 7 санпоезда) избивал военнопленных, занимался антисоветской агитацией за религию. Лично сам ежедневно читал Евангелие, заставлял в/п наизусть учить Евангелие, о чем просил попа давать на дом задание по Евангелию. Заявил Резвов, вагон № 13»; «Янцевич Семен заявил, что некий Дронов, русский, крепко дружил с финским офицером и говорил при всех, что “Сталина надо зарезать, а Молотова надо застрелить”»¹³.

В спецсообщении Берия докладывал Сталину, что среди доставленных, проводится «соответствующая оперативно-чекистская работа». Для проведения следственных мероприятий укомплектован штат сотрудников. На обменном пункте станции Вайникалла задействовано 8 работников Ленинградского особого отдела НКВД, проводящих предварительную «филтрацию». В Новгороде, куда доставлялись пленные, «оперативно-чекистская работа» проводилась группой из 32 сотрудников под руководством заместителя начальника следственной части ОО ГУГБ НКВД СССР капитана госбезопасности Казакевича¹⁴.

Прибывших военнопленных первоначально разместили в казармах недалеко от Новгорода, начсостав отдельно от рядовых. Внутренние наряды (дежурные и дневальные) назначались из обслуживающего персонала. Охрана казарм и их обитателей не предусматривалась. Увольнение в город лицам рядового состава разрешалось в составе команд, но не ранее чем через 10 дней после возвращения. Командирам не запрещалось увольнение в индивидуальном порядке¹⁵.

Изложенные выше факты опровергают мнение отдельных исследователей о якобы заранее спланированной и целенаправленной политике преследования советских военнопленных, вызволенных из финского плена. Из спецсообщения Берии следует ещё один вывод: в Генштабе, в отличие от НКВД, относились к захваченным в плен и освобожденным военнослужащим РККА как к жертвам войны, но не как к преступникам.

Особое беспокойство руководителя НКВД вызывал установленный Народным комиссариатом обороны порядок размещения военнопленных, который, по мнению Берии, не исключал возможности побегов, так как казармы в Новгороде, где размещались доставленные военнослужащие, были рассчитаны на 3 000 человек и не могли вместить всех. Основываясь на предположениях и догадках, глава НКВД заключал: «Учитывая, что среди принимаемых военнопленных, безусловно, будет значительное количество лиц, обработанных финской, а возможно, и другими разведками, НКВД СССР считает необходимым обеспечить тщательную филтрацию принятых военнопленных и проведение среди них соответствующих чекистско-оперативных мероприятий, для чего необходима их изоляция на срок не менее 2–3 месяцев».

Берия полагал целесообразным разместить бывших пленных в Южском лагере НКВД в Ивановской области, который находился в посёлке Талица в 47 километрах от железнодорожной станции Вязники неподалеку от города Южа, и подходил для надёжной изоляции военнопленных¹⁶. Лагерь, рассчитанный на приём 8000 человек, по мнению народного комиссара, был «вполне приспособлен для размещения в нём военнопленных». «Приспособленность» лагеря для этой цели позже подтвердили и узники поневоле: «Нас привезли в Ивановскую область, в Южский лагерь, разместили в двухэтажных деревянных казармах, “хорошо” огороженных колючей проволокой, за которой прогуливались солдаты с немецкими овчарками»¹⁷.

Исходя из изложенного Берия ходатайствовал перед председателем правительства утвердить предложения:

для Наркомата обороны:

а) принятых из Финляндии военнопленных направлять в Южский лагерь НКВД СССР;

б) установить при движении эшелонов с военнопленными порядок охраны и конвоирования, исключающий возможность побегов;

в) передать руководству Южского лагеря необходимые фонды на питание военнопленных;

г) организовать внутри лагеря среди военнопленных соответствующую работу;

Для Наркомата внутренних дел:

а) подготовить Южский лагерь для приема военнопленных из Финляндии;

б) организовать наружную охрану лагеря силами конвойных войск НКВД СССР;

в) организовать довольствие военнопленных по нормам и за счет фондов НКО;

г) обеспечить тщательное проведение чекистско-оперативных мероприятий среди военнопленных лиц, «обработанных иностранными разведками, сомнительных и чуждых элементов и добровольно сдавшихся финнам, с последующим преданием их суду»;

д) работу по филтрации военнопленных закончить в 3-месячный срок¹⁸.

19 апреля 1940 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), которое одобрило выдвинутый Берия план мероприятий по «выявлению» добровольно сдавшихся в плен и завербованных среди них «шпионов». Решением Политбюро всех военнослужащих, возвращенных финскими властями, предписывалось направлять в Южский лагерь НКВД и «в трехмесячный срок обеспечить тщательное проведение оперативно-чекистских мероприятий для выявления среди военнопленных лиц, обработанных иностранными разведками, сомнительных и чуждых элементов и добровольно сдавшихся финнам с последующим преданием их суду»¹⁹.

Для военнопленных был установлен жёсткий режим. Лагерь охранялся конвойными войсками НКВД. Заключенные были лишены права пере-



писки, свиданий с родными и близкими. Место их пребывания держалось в строгом секрете. Содержание бывших военнопленных в полной изоляции в Южском лагере объясняли как временное мероприятие, проводимое с профилактической целью недопущения в страну шпионов и диверсантов, находившихся среди пленных²⁰.

О количестве и командном составе переданных военнопленных сообщалось в справке начальника политуправления МВО, адресованной дивизионному комиссару Лобачеву: «Южский лагерь начал свою работу с момента поступления бывших военнопленных 25 апреля 1940 года. Люди поступали эшелонами по 500–600 человек. На первое мая было 4815, на 10 – 4897. 29 человек отправлено в госпиталь в Вязники. В числе прибывших 314 человек начсостава от младшего лейтенанта до майора включительно»²¹.

Прибывших первоначально заставляли соблюдать военный лагерный порядок с физзарядкой по утрам. На работах их пока не использовали. При первом посещении бывшими военнопленными лагерной бани с их обмундирования, сданного в санобработку, спорили петлицы и знаки различия. Несколько дней спустя их расселили по лагерным отделениям и поместили в отдельные бараки. Днем освобожденных из финского плена водили под конвоем на работы, а ночью – на допросы, где их допрашивали по поводу сдачи в плен работники лагерной оперчасти²².

Сотрудники следственной части, составленной в основном из следователей особых отделов армейских подразделений, выясняли обстоятельства пленения военнослужащего и его поведения в плену. Освобождённые собственноручно заполняли «Анкету специального назначения», в которой описывали обстоятельства захвата в плен. Протокол допроса включал стандартные вопросы (кроме автобиографических): в какой части служил, при каких обстоятельствах попал в плен, какие документы при себе имел, в каком лагере находился в плену, сколько раз допрашивался, велась ли пропаганда в лагерях для военнопленных, что может сказать о недостойном поведении в плену других военнослужащих²³.

Следствие велось с обвинительным уклоном. Допросы наносили психологические травмы, несправедливые реплики и провокационные вопросы вызывали возмущение и внутренний протест. «Следователи разговаривали с нами как с изменниками Родины, не записывали то, что мы им говорили»²⁴, – с горечью повествовали прошедшие через унижительные лагерные испытания. Приведённый ниже диалог – наглядный пример бесчеловечных методов ведения следствия, когда попирались права и достоинство человека, нарушалась его презумпция невиновности

«Спрашивает:

– Ранен?

– Я контужен и обморожен, – отвечаю.

– Это не ранение.

Так ни разу нигде и не записал, что я обморожен. А у меня руки-ноги обморожены, стоять как следует не могу, брать ничего не способен.

Говорю:

– Скажите, я виноват в том, что попал в плен?

– Да, виноват.

– А в чём моя вина?

– Ты давал присягу сражаться до последнего дыхания, но, когда тебя взяли в плен, ты же дышал.

– Даже не знаю, дышал я или нет. Меня финны подобрали без сознания, замороженного.

– А когда очухался, ты же мог плюнуть финну в глаза, чтобы тебя пристрелили?

– А смысл в этом какой?

– Чтоб не позорил. Советские в плен не сдаются!»²⁵.

Недоверие к советским военнопленным, прошедшим финский плен и возвращённым на основании двусторонних международных договорённостей, было целенаправленной политикой дискредитации военнослужащих Красной армии, уничтожения их воли принуждением к признанию ответственности за сам факт пленения.

Одним из вопросов, которому советские следователи уделяли особое внимание, был вопрос об избиении и издевательствах над красноармейцами в плену. Бывшие пленные рассказывали, что над ними издевались не только финские охранники, но и свои же товарищи по плену. Особенно свирепствовали, по мнению дознавателей, «военнопленные из числа карел». В политдонесениях отмечалось: «Бывший младший командир, ныне пленный Орехов, попав в плен, был назначен старшиной барака, он безжалостно избивал военнопленных ... Дидюк, карел, был переводчиком, избивал военнопленных ... Гвоздович из города Калинина, был старшим палаты, избивал своих, отбирал советские деньги, проигрывал их в карты, купил себе комсоставовскую гимнастерку у пленного командира ...»²⁶ И таких показаний много. Но все-таки это не было системой.

Предварительные итоги обмена пленными между Советским Союзом и Финляндией были подведены в докладной записке начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комиссара госбезопасности третьего ранга Бочкова, направленной 30 апреля 1940 г. в НКВД СССР. Сотрудник госбезопасности информировал ведомство о результатах обмена пленными с 16 по 26 апреля 1940 г., приводил данные о поступивших военнослужащих РККА. Наибольший наплыв пленных приходился на период с 17 по 22 апреля, когда прибыло соответственно 792, 1002, 901 и 820 советских военнослужащих. С 23 по 25 апреля в процессе обмена наступил кратковременный перерыв, затем он возобновился. 26 апреля прибыло четыре команды военнопленных. Приезд последней партии, оставшейся в Финляндии, ожидался 10 и 15 мая 1940 г.²⁷

Берия продолжал информировать Сталина о работе среди освобождённых военнослужащих,



что свидетельствовало о неослабевающем внимании руководителя силового ведомства к пленным – участникам «северной войны». 23 мая 1940 г. Берия направил Сталину новое спецсообщение «о разработке советских военнопленных», в котором глава НКВД информировал, что в порядке обмена военнопленными с Финляндией было принято 5277 «бывших военнослужащих» Красной армии, из них 373 представителя командного, начальствующего и политического состава. Указывалась национальность пленных – в лагере находилось 1368 украинцев, 176 белорусов, 19 финнов, 173 карела, 97 татар, 39 грузин, 31 коми и других. На полях документа пометка Сталина: «А русские?». В документе называлась цифра действующих штатных сотрудников оперативного отдела – 50 человек, которые до 15 мая 1940 г. допросили 1 448 «бывших военнопленных».

Берия докладывал Сталину: «В процессе работы оперативной группы из 1 448 военнопленных выявлено шпионов и подозрительных по шпионажу – 106 человек, участников антисоветского добровольческого отряда – 166 человек, провокаторов – 54, издевавшихся над нашими военнопленными – 13 человек, добровольно сдавшихся в плен – 72»²⁸.

В спецсообщении приводились факты предательского поведения военнослужащих в плену, раскрывались формы их сотрудничества с лагерной администрацией и спецорганами противника. Так, будучи пленённым, кодировщик секретной части 146-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии Романов редактировал контрреволюционные листовки. Перед отъездом в СССР он получил задание устроиться на работу на Беломоро-Балтийский канал или в одну из воинских частей. Красноармеец 138-го кавалерийского полка 25-й мотокавалерийской дивизии Гриппа на допросе показал, что ему неоднократно предлагалось начать разведывательную работу против СССР, войти в Финляндии в антисоветскую организацию, ставившую целью свержение советской власти «в интересах всего русского народа». Во время нахождения в плену Гриппа дал финнам письменные ответы на 50 вопросов военного, экономического и политического характера. По предложению финнов военнопленный ознакомился с антисоветской литературой, из которой он назвал три книги – «За черным чертополохом», «Корабль смерти», «Отлично сшитый фрак». За несколько дней до обмена Гриппа был переведен в тюрьму Турку, где были сконцентрированы пленные нерусской национальности. В тюрьме его неоднократно вызывал русский белогвардеец – офицер финской разведки, который предложил ему по возвращении в СССР устроиться на работу в редакцию какой-либо газеты на Ферганском канале. Офицер заявил, что, независимо от согласия Гриппы сотрудничать с финскими спецслужбами, к нему явится курьер разведки, который назовет пароль: «Где вы были 1 марта 1940 года?»²⁹.

В спецсообщении Берия сконцентрировал особое внимание на фактах вербовки советских военнопленных в добровольческий отряд, создаваемый для борьбы против СССР. По показаниям 41 военнопленного было установлено, что в феврале 1940 г. финское командование совместно с представителями белогвардейских центров сформировало из военнопленных красноармейцев и командиров добровольческий отряд для использования его в борьбе против Красной армии.

Бывший красноармеец 305-го полка 44-й стрелковой дивизии, член этого отряда Кравчук рассказал, что 25 февраля в лагере военнопленных проводилась вербовка в добровольческий отряд. В лагере № 4 в военизированное формирование записалось 152 человека. Все члены отряда были переведены в специальный лагерь, где были разбиты повзводно и где велась их антисоветская обработка. Предназначение отряда – ведение боевых действий на Ухтинском направлении совместно с разведывательными финскими частями. После заключения мирного договора у каждого завербованного спросили о его желании остаться в Финляндии, предупредив о необходимости скрыть от советских властей факт пребывания в отряде³⁰.

Некоторые военнопленные получили предложение выступить по радио с антисоветскими измышлениями и призывами к бойцам Красной армии сдаваться в плен. Военнопленные Яшин и Андреев по заданию финнов позировали на кинофабрике во время провокационных съемок. Яшин после киносъемок выступил по радио с обращением к военнослужащим Красной армии, предлагая бросать оружие, убивать политруков и командиров и добровольно сдаваться в плен³¹.

После месяца пребывания в Южском лагере большинство бывших военнопленных начало осознавать трагичность своего положения. Подтверждение тому – выдержка из отчета от 25 мая 1940 г. Управления Южского лагеря комиссару УПВИ Нехорошеву: «Бывший военнопленный Борисов Г. А. сказал: “Мы находимся не в госпитале, а в тюрьме под стражей, нам не дают открывать окна, не дают посылать письма домой. Мы были на фронте, проливали кровь, а тут сволочи нас держат, и обращаются с нами, как с заключенными”». Он категорически отказался лечить свою рану и выполнять назначение врача, при том, что рана гнойная. Требуется отправки в лагерь, заявляя: “В лагере проведут следствие и ускорят мою судьбу”»³².

Основная оперативная работа с бывшими военнопленными была завершена в намеченный срок. 29 июля 1940 г. Берия адресовал Сталину новое спецсообщение, имевшее гриф «совершенно секретно». Что нового содержалось в этом документе? Во-первых, нарком приводил окончательное количество советских узников спецлагеря, переданных финнами: 5 175 красноармейцев и 293 представителя начальствующего



состава. Во-вторых, сообщал новые факты об агентурной работе среди советских пленных с целью их вербовки для ведения подрывных действий против СССР. В-третьих, Берия информировал, что «оперативно-чекистской группой выявлено и арестовано 414 человек, изблечённых в активной предательской работе в плену и завербованных финской разведкой для вражеской работы в СССР»³³.

Содержание докладной записки, направленной И. Сталину, поражает крайней жестокостью и правовым беззаконием в отношении бывших военнопленных. Берия сообщал о передаче прокурором Московского военного округа в военную коллегия Верховного Суда СССР следственных дел на 334 человека. К расстрелу было приговорено 232 военнослужащих. К моменту отправки спецсообщения приговор был приведён в исполнение в отношении 158 военнопленных. Предлагалось арестовать и предать суду Военной коллегии ещё 250 человек, «изблечённых в предательской работе». Л. Берия «считал необходимым» 4354 человека, «на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет»³⁴. Факт огульного недоверия к военнопленным был налицо.

450 человек, попавших в плен ранеными, больными или обмороженными и на которых не было «компрометирующих материалов», освобождались и передавались в распоряжение Наркомата обороны³⁵. Человеческий балласт ведомству Берии явно был не нужен.

Допросы окончательно были завершены в течение лета и осени 1940 г. (по другим данным проверка длилась почти год, но, скорее всего, это касалось отдельных лиц). После того как дела бывших военнопленных были отправлены Особому совещанию в Москву, оттуда через несколько недель для каждого пришлось решение: «За сдачу в плен белофиннам направить в трудовые-исправительные лагеря на ...» Одни получили 8 или 10 лет лишения свободы, некоторые 5 и очень немногие – 3 года³⁶.

До недавнего времени исследователи, говоря о судьбе невольников сталинского режима – бывших узников финского плена, вывезенных в северные районы, ограничивались фразой: «Дальнейшая их судьба неизвестна». Такой же позиции придерживался и автор этих строк. Колоссальная поисковая работа, проделанная региональными исследователями, краеведами, членами общества «Мемориал», учащимися выпускных классов средних общеобразовательных школ под руководством преподавателей истории позволяет полнее и достовернее заполнить лакуну, связанную с послевоенной судьбой советских военнопленных – участников «северной войны». Её оценка неразрывно связана с эпитетом «тра-

гичная». Факты, которыми сегодня располагают исследователи, свидетельствуют о правовом беззаконии, не имевшем границ, совершившемся в тоталитарном государстве по отношению к значительной части советских бойцов и командиров, честно выполнивших свой воинский долг, но оказавшихся в плену во время боевых действий СССР против Финляндии.

Василию Петровичу Беляеву, 1909 г. рождения, уроженцу и жителю деревни Курган Прудовского сельского совета Новокарьельского района Калининской области, красноармейцу 2-й батареи 34-го стрелкового полка 75-й стрелковой дивизии, заключенному Южного лагеря НКВД, арестованному 22 августа 1940 г., было предъявлено обвинение в сдаче в плен белофиннам без оказания сопротивления. Приговорен Особым совещанием при НКВД СССР 13 сентября 1940 г. к 8 годам ИТЛ³⁷.

Иван Кузьмич Смирнов, родившийся в 1910 г. в деревне Крюково Холмжирковского района Смоленской области, во время войны с Финляндией служил в 316-м стрелковом полку 18-й стрелковой дивизии в звании красноармейца. Его участие в боевых действиях закончилось трагично – он попал в плен. Арестованный 23 августа 1940 г. ОО ГУГБ НКВД СССР, он был приговорен Особым совещанием при НКВД СССР 18 сентября того же года по обвинению в сдаче в плен белофиннам без сопротивления к 5 годам ИТЛ³⁸.

Не менее «тяжким» было «преступление» Григория Лодыгина. В финском плену Лодыгин завел записную книжку, куда добросовестно записывал, когда его вызывали на допрос, имена пленных, согласившихся сотрудничать с финнами, «антисоветские высказывания» своих товарищей по несчастью, а также свои патриотические размышления (впоследствии Лодыгин уверял следователя, что это наброски к задуманной им книге). Записная книжка попала в руки следователя. Его насторожило то, что Лодыгина вызывали на допрос 10 раз. Это было расценено как факт «особого доверия следователя финского лагеря». Обвинили Лодыгина и в том, что он якобы «составлял списки на военнопленных камеры». Но главным обвинением была связь с «финским шпионом» Тимушевым, что Лодыгин категорически отрицал. Судьба солдата Тимушева, коми по национальности, так и не установлена. Известно, что он был осужден, но дело Тимушева не найдено, обвинение и приговор неизвестны. Он до сих пор числится пропавшим без вести. А Григорий Лодыгин был обвинен в «измене Родине». 28 октября 1940 г. ОСО при НКВД СССР осудило его «за изменническое поведение в плену» на 8 лет лишения свободы. Лодыгина переводили из лагеря в лагерь. Освободился он в феврале 1948 г. из Норильского ИТЛ. Реабилитировали Григория Лодыгина только в 2002 году³⁹.

Немногим участникам «северной войны» удалось избежать трагической участи стать узниками



сталинского ГУЛАГа и пополнить скорбный список жертв сталинских репрессий. Кроме 450 раненых, контуженных, обмороженных, больных, в живых остались те из советских военнопленных, кто бежал в нейтральную Швецию и не был выдан СССР.

Бойцы Красной армии, попавшие в плен к финнам и обвиненные в нарушении воинской присяги (НВП), отправлялись в северные лагеря для «трудового воспитания». Издевательства и глумление над людьми, начало которым было положено в Южском лагере, продолжались.

Военнопленных, приговоренных к разным срокам заключения и осужденных «за сдачу в плен белофиннам», завозили в Воркутлаг ГУЛАГа НКВД СССР и Норильский лагерь. Среди них были представители рядового, сержантского и командного состава, которые получили среди заключенных иронические прозвища «солдатики» и «герои финского плена». Большинство из прибывших было направлено на строительство воркутинских шахт и железной дороги Котлас–Воркута, часть попала на шахты Норильска. Люди, видевшие в Дудинке и Норильске не один этап заключенных, запомнили один, уникальный, таким: в новенькой военной форме, с костылями и палками в руках, с бинтами на незаживших ранах, обмороженные, контуженные, пережившие войну и плен русские солдаты. Новую военную форму им вскоре заменили на лагерную одежду⁴⁰.

В Воркутинском лагере к бывшим военнопленным применили общий тюремный режим, одели в арестантскую одежду и направили на работы, выдавая пайки по нормам заключенных. Вскоре среди прибывших начались цинга и туберкулез.

О своей судьбе бывшие заключенные Южского лагеря поведали в коллективном письме к Сталину. 31 октября 1940 г. «первому депутату Верховного Совета СССР, вождю народов Советского Союза тов. И. В. Сталину» «по поручению 230 бывших военнопленных, командиров РККА», ныне «находящихся в Воркутском лагере НКВД», было отправлено письмо, подписанное А. Н. Смирновым, А. М. Светиковым, М. Волоховичем, А. Г. Самойловым, К. П. Гичаком, Т. Ф. Никулиным и А. Ф. Зубовым. С горечью и обидой участники «северной войны» писали: «Вам, тов. Сталин, решили мы написать это письмо и просить отозваться на него. Вам хотим мы рассказать о заключениях и мытарствах, переносимых нами неизвестно за что и во имя чего. Мы, группа среднего и старшего командного и начальствующего состава РККА, во время войны захваченные в плен белофиннами и возвратившиеся в СССР после заключения мира, вот уже шесть месяцев содержимся в заключении в условиях строжайшей изоляции даже без права написать семьям и в полной неизвестности об их судьбе, как люди, совершившие тягчайшее преступление

перед Родиной, хотя никто из нас в этом не виноват ни делом, ни словом, ни помышлением»⁴¹.

Заключенные сообщали, что 29 августа всех прошедших проверку в Южском лагере под усиленным конвоем и тайно привезли на железнодорожную станцию якобы для передачи НКО, подвергли обыску, заперли в вагоны и отправили в Архангельск. Там их пересадили на пароход и как опаснейших преступников доставили в Воркутинский лагерь, куда водворили, заставив пройти марш в 250 километров пешком почти босыми и полуголодными. Всю дорогу участников «северной войны» везли в военной форме, называли товарищами, прятали от людей и тщательно скрывали место назначения и цель поездки⁴².

О том, как обошлись с ними после перемещения на север, узники рассказывали так: «В Воркуте с нас сняли звёздочки, отобрали деньги и ценные вещи, подвергли дактилоскопированию и сфотографировали как обычных преступников, затем сказали, что мы арестованы и по существу запретили впредь обращение “товарищ” к начальству. На наши вопросы, чем вызвано наше превращение в арестантов и его основание к этому начальство ответило, что о нас ему ничего не известно. Основания к заключению будут после, а коли мы попали в лагерь, то являемся ни кем иным, как арестантами»⁴³.

Отдельные военнопленные искали оправдание трагическому повороту судьбы в себе, своих поступках и словах, тайно надеялись на скорое освобождение. «Обидно нам было, что нас посадили в лагерь. Морально мы были убиты, – вспоминал Иван Русаков, старший лейтенант 18-й дивизии. – И то даже считали по глупости, что это оправдано, и что и надо нас – в лагерь, потому как вдруг один из тысячи да окажется шпионом, а те, которые честные, и тут сумеют доказать, что они люди порядочные»⁴⁴.

Однако время шло, а оправдывать «героев финского плена» не собиравшись. Надежда на быстрое освобождение становилась призрачной, и ожидание грядущих перемен сменилось отчаянием. Как и тысячи невинных сталинских жертв, в сложившейся ситуации невольники особо уповали на коллективную жалобу «отцу народов».

Жертвы произвола справедливо сетовали на то, что стали узниками Воркутлага без предъявления им обвинения, без рассмотрения их дел в суде. «В чём наша вина? За какое преступление мы находимся здесь?» – лейтмотив коллективной жалобы. Бывшие военнопленные указывали на незаконное изменение их социального статуса: для заключенных и народа они до недавнего времени являлись красноармейцами, а в Воркутлаге стали изменниками Родины. «Не знаем, кому и зачем нужна эта ложь?» – вопрошали лагерники. Этот вопрос, как и тысячи аналогичных, остался без ответа.

Авторы письма сообщали, что в Воркутинском лагере содержалось 230 представителей командного состава от капитанов до младших



лейтенантов. Среди заключённых находились политруки, медперсонал, лётчики, сбитые во время выполнения боевых заданий. Поведали обращавшиеся к «вождю всех народов» и о том, при каких обстоятельствах они оказались в плену: ранеными, контуженными, обмороженными и обгоревшими, но при этом не пытавшимися скрыть своей партийной принадлежности и избавиться от партийных документов. Очевидно, по мнению авторов письма, последнее утверждение должно было стать своеобразной индульгенцией, способной смягчить наказание жалобщиков.

Заключительные строки письма, изложенные достаточно эмоционально, нельзя читать без содрогания: «Если факт нашего пленения расценивается как измена Родине, то почему нас не судят и открыто не обвиняют в этом. Мы спрашиваем себя: неужели мы изменили Родине тем, что остались и частью были оставлены на поле боя раненые, контуженные, обмороженные, обгоревшие и в таком состоянии были захвачены в плен. Мы спрашиваем себя: неужели нас, командиров РККА, по два и по три месяца провоевавших с врагами, коммунистов и комсомольцев в своей массе, можно всерьёз обвинить в добровольном переходе к белофиннам, чтобы таким образом укрыться от войны и спасти свою жизнь, за это нас изолируют, как прокаженных, оскорбляют и лгут на нас. Неужели боевые трудности и лишения на фронте, наши раны и пролитая кровь не послужили также делу разгрома белофиннов, блестящей победы над ними страны Социализма. Мы не знаем, тов. Сталин, чем объяснить то, что в стране, где действует написанная Вами Конституция, можно поступать с людьми так, как поступали с нами: молча изгонять из партии и комсомола, лишать воинских званий, ссылать на Крайний Север и заключать в лагерь. Мы понимали причины и как должное сносили издевательства финских фашистов в плену. Но горько и обидно, тов. Сталин, быть без вины виноватыми и за всё, что во имя Родины пережито на фронте и в фашистском плену, оказаться заключёнными в своей стране. Мы просим Вас, дорогой тов. Сталин, принять меры к тому, чтобы нас, если мы изменили Родине тем, что попали в плен – по закону судили или прекратить то, что до сих пор чинится над нами»⁴⁵.

Лишь немногим удалось вырваться из воркутинских лагерей досрочно. Когда в 1941 г. в лагерях стало известно о нападении Германии на СССР, выжившие военнопленные подали заявления с просьбой о направлении их в действующую армию. В числе немногих, чья просьба была удовлетворена, оказались Николай Волков и Михаил Володарский, прошедшие всю Великую Отечественную войну. За проявленную храбрость и отвагу с Михаила Володарского, разведчика 349-го артиллерийского полка 119-й стрелковой дивизии, решением Военного совета 1-го Прибалтийского фронта была снята судимость за нахождение в финском плену⁴⁶.

Остальные военнопленные – участники советско-финской войны вышли на свободу в течение 1945–1948 гг. Введённые Н. В. Петровым в научный оборот новые архивные материалы по истории ГУЛАГа приоткрыли завесу тайны над послевоенной судьбой пленных – участников советско-финской войны 1939–1940 гг. События развивались следующим образом.

В июле 1945 г. находившийся в Потсдаме Л. Берия получил официальное письмо за подписями В. Н. Меркулова, Б. З. Кобулова и В. В. Чернышова. Текст письма гласил: «Представляем на Ваше рассмотрение проект приказа НКВД, НКГБ, НКЮ и Прокурора СССР “Об отмене специальных мероприятий НКВД, НКГБ и Прокуратуры СССР на период войны и о порядке применения амнистии к некоторым категориям преступников”»⁴⁷.

Согласно проекту приказа из исправительно-трудовых лагерей НКВД освобождались определённые категории заключённых, которых задержали в лагерях до окончания войны. В документе шла речь и о бывших военнопленных – участниках советско-финской войны. «Заключённых этой категории в лагерях содержится 816 человек, все они осуждены за сдачу в плен войскам Финляндии в советско-финскую войну 1939–1940 годов», – констатировалось в предлагаемом проекте приказа⁴⁸. На письме стояла резолюция Берия: «Решить в Москве». Принятие окончательного решения затянулось, и совместный приказ МВД, МГБ и Генерального прокурора был подписан только 24 июня 1946 г.⁴⁹

До смерти Сталина все освобождённые пленные находились под негласным надзором властей. В конце 50-х годов уцелевшие военнопленные – участники «северной войны» были реабилитированы. Каждому из них вручили справку, где указывалось, что постановление Особого совещания НКВД СССР 1940 г. отменено и уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления⁵⁰.

Итак, история советских военнопленных, ставших жертвами сталинской тоталитарной системы, свидетельствует, что крупные неудачи в советско-финской войне 1939–1940 гг. были списаны на тех, на ком не было никакой в этом вины. Налицо было отсутствие желания объективно и беспристрастно, на основании закона разобраться в каждом факте пленения советского военнослужащего, его поведения в плену. Отношение государства и его высокопоставленных руководителей к военнопленным, попавшим в финский плен, поражает своей антигуманностью, чудовищным пренебрежением к человеческой жизни. Судебные решения выносились заочно Особыми совещаниями, без предъявления обвинения и судебного разбирательства. «В финскую же войну был первый опыт: судить наших сдавшихся пленников как изменников Родине. Первый опыт в человеческой истории! – а ведь вот, поди



ж ты, мы не заметили»⁵¹, – с горечью писал об этой трагической странице в истории советского общества эпохи сталинизма А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Незаконным осуждением значительной части оказавшихся в финском плену был создан прецедент для дальнейшей расправы с теми, кто в годы Великой Отечественной войны оказался в плену, но уже в немецком. Избежали наказания только раненые, контуженные, обмороженные, сумевшие уехать в Швецию. Послевоенной реабилитации дождалась немногие.

Примечания

- 1 См.: Фролов Д. Д. Советские и финские военнопленные 1939–1944 гг. URL: <http://www.kaur.ru/docs/frolov.php> (дата обращения: 07.05.2012).
- 2 См.: Соколов Б. В. Пиррова победа (Новое о войне с Финляндией) // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 296. Примерно такую же цифру назвала Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий: «После окончания советско-финской войны финская сторона передала советским военным властям 5,5 тыс. военнослужащих, попавших в плен». (см.: Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92).
- 3 См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование. URL: <http://www.rus-sky.org/history/library/w/w04.htm> (дата обращения: 07.05.2012).
- 4 См.: Степаков В. Финляндия – Воркута и далее по всему Гулагу // Парламентская газета. 2005. 1 дек.; Россия и СССР в войнах XX века.
- 5 См.: Носырева Л., Назарова Т. «Пойдем на Голгофу, мой брат...» // Родина. 1995. № 12. URL: <http://karelkurs.narod.ru/files/plen.en.html> (дата обращения: 07.05.2012).
- 6 См.: Фролов Д. Д. Советские и финские военнопленные 1939–1944 гг. URL: <http://www.kaur.ru/docs/frolov.php> (дата обращения: 07.05.2012).
- 7 Протокол-дополнение к мирному договору между Финляндией и Союзом Советских Социалистических Республик от 12 марта 1940 года. URL: <http://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 13.06.2012).
- 8 См.: Носырева Л., Назарова Т. Указ соч.
- 9 См.: Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину об обмене военнопленными с Финляндией / Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58727> (дата обращения: 13.06.2012).
- 10 Там же.
- 11 Соколов Б. В. Указ. соч. С. 296.
- 12 См.: Степаков В. Указ. соч.
- 13 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 14 См.: Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину...
- 15 Там же.
- 16 Южский лагерь был создан приказом НКВД СССР № 0308 от 19 сентября 1939 г. На территории лагеря ранее располагалась исправительно-трудовая колония НКВД для несовершеннолетних. Лагерь был перефилирован для приёма и содержания польских военнопленных, интернированных во время «освободительного похода» Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. Затем он был предназначен для финских военнопленных, захваченных в ходе «северной войны», но по иронии судьбы стал временным пристанищем для тысяч советских военнопленных – участников «непопулярной войны». Позже, в годы Великой Отечественной войны, в Южском лагере размещали пленённых солдат и офицеров вермахта.
- 17 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 18 См.: Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину...
- 19 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 20 Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР... С. 92.
- 21 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 22 См.: Росси Ж. Справочник по ГУЛагу : в 2 ч. М., 1991. Ч. 2. С. 321.
- 23 См.: Рогачёв М. Б. Жертвы «незнаменитой войны» // Покаяние. Матриолог : в 8 т. / сост. М. Б. Рогачёв. Т. 7, ч. 2. Сыктывкар, 2007. С. 112.
- 24 Степаков В. Указ. соч.
- 25 Там же.
- 26 Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. URL: http://www.fedydiary.ru/?page_id=4143 (дата обращения: 13.06.2012).
- 27 См.: Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). URL: http://militera.lib.ru/research/galitsky_vp/03.html (дата обращения: 13.06.2012).
- 28 Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину...
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 33 Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М., 2006. С. 181.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 См.: Росси Ж. Указ. соч. С. 321.
- 37 В. П. Беляев 17 августа 1943 г. умер в Норильлаге, где отбывал назначенный срок наказания. Реабилитирован по определению Военного трибунала Московского военного округа 17 марта 1969 г. URL: http://viz.nlr.ru/search/lists/tver/225_21.html (дата обращения: 13.06.2012).
- 38 И. К. Смирнов был реабилитирован в мае 1958 г. Военным трибуналом Московского военного округа // Книга памяти Смоленской области. URL: <http://lists.memo.ru/d30/f335.htm> (дата обращения: 13.06.2012).
- 39 Жертвы блицкрига. Для нескольких десятков коми солдат советско-финская война 1939–1940 годов обернулась пленом, лагерями, небытием. URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/555> (дата обращения: 13.06.2012).



13.06.2012) ; *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 114.

⁴⁰ *Боднарчук О. М.* Советско-финская война в зеркале документов и воспоминаний её участников. URL: <http://2001.vernadsky.info/h1/w01005.htm> (дата обращения: 13.06.2012).

⁴¹ Цит. по: *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 123–124.

⁴² Там же. С. 124.

⁴³ Там же..

⁴⁴ *Степаков В.* Указ. соч.

⁴⁵ Цит. по: *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 125.

⁴⁶ *Степаков В.* Указ. соч.

⁴⁷ *Петров Н. В.* История империи «ГУЛАг». URL: <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava13.htm> (дата обращения: 10.06.2012).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Степаков В.* Указ. соч.

⁵¹ *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ: Собр. соч. (Малое собр. соч.) : в 7 т. М., 1991. Т. 5. С. 105.

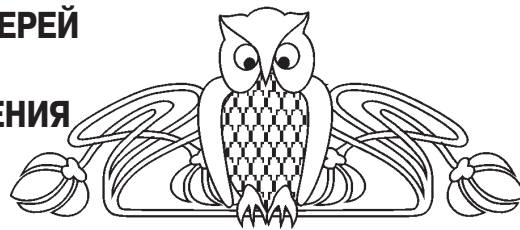
УДК 355.257.72:94(571.1)

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛАГЕРЕЙ НКВД–МВД СССР ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Н. М. Маркдорф

Международный инновационный университет, г. Сочи

E-mail: nmmark@mail.ru



В данной статье рассматриваются основные материально-бытовые проблемы, решаемые Управлениями лагерей в годы Второй мировой войны и в послевоенное время, их влияние на динамику трудового фонда военнопленных и интернированных в западно-сибирском регионе. Автор приходит к заключению, что нерешенность этих вопросов привела к увеличению санитарных потерь, сокращению трудового фонда, низкой рентабельности лагерных отделений.

Ключевые слова: Западная Сибирь, военнопленные, интернированные, трудовой фонд, материально-бытовые проблемы.

The Material and Living Conditions Problems of NKVD–MVD Camps in Western Siberia and Their Solutions

N. M. Markdorf

In this article discusses the basic material and conditioners problems of NKVD–MVD camps in Western Siberia and their solutions in World War II and the postwar period and their influence on the dynamics of the employment fund war prisoners and interned civilians in the Western Siberian region. The author concludes that the unresolved these issues were result of increased health losses, reduced labor fund, low profitability of the camps.

Key words: Western Siberia, prisoners of war, interned, working fund, issues of material and living conditions.

В период с 1943 по 1950 г. в Западной Сибири было создано 13 лагерей для военнопленных НКВД – МВД СССР, включая режимный лагерь МВД СССР № 464. Кроме того, на территории Кемеровской области с августа 1945 г. по октябрь 1949 г. дислоцировался отдельный рабочий батальон (ОРБ) № 1104 для интернированных гражданских лиц. Уже в начальный период войны руководство Кузнецкого угольного комбината дало указание всем управляющим трестов и шахт организовать специальные лагеря для заключён-

ных и военнопленных. Возведение зоны рекомендовалось завершить до 15 января 1943 года¹. Лагерь не могли своими силами возвести необходимое количество жилых построек, поэтому потребовалась финансовая помощь со стороны шахт и промышленных предприятий области².

В Тюменской области в январе 1943 г. всю работу по подготовке жилого фонда на базе помещений бывшей колонии для заключённых, выделенных по решению Обкома ВКП(б) хозяйственным организациям лесной и деревообделочной промышленности, Управление лагеря проводило форсированными темпами. Это был один из немногих лагерей, где наиболее успешно подготовились к приему контингента – выстроили 13 бревенчато-рубленых крытых тесом жилых бараков (площадью 5 973 м²), оборудовали их трехъярусными нарами и стационарными отопительными приборами или железными печами-временками. На каждом лагерном участке имелись банно-прачечный блок и дезкамеры стационарного типа, что выгодно отличало этот лагерь от других в Западной Сибири³.

В сентябре 1944 г. первые эшелоны доставили 4 286 военнопленных в лагерь № 199 в Новосибирской области⁴. Все лагерные отделения в период их организации располагали необходимым жилищным фондом общей площадью 14 859 м². Еще до прибытия пленных бараки оборудовали сплошными двухъярусными нарами, что позволило разместить весь запланированный контингент без нарушения приказа НКВД СССР о норме в два квадратных метра жилой площади на человека. Тем не менее зимой 1945 г. возникла потребность в ремонте и оборудовании помещений печами⁵. В отделениях № 1 и № 2 не успели завершить стро-